Влад Тепеш
Медовый месяц
для Реликта

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что может быть страшнее, чем киллер на службе у подпольной организации, борящейся с преступностью?

Ответ прост: киллер-реликт, "отец" всех сказочных чудовищ, древний хищник, в совершенстве научившийся притворяться своей основной пищей... то есть "человеком разумным".

Вы все еще барыжите наркотой и торгуете людьми? Тогда наш киллер уже идет к вам...

...Как только расхлебает свои собственные проблемы.

- Медовый месяц для Реликта
  - Медовый месяц начинался идеально…
  - Эхо прошлого
  - Языковые проблемы
  - Музеи и грабители оных
  - Операция «Спасти Лиса»
  - Месть Реликта
  - Nota bene

Медовый месяц для Реликта

Медовый месяц начинался идеально…

Я толкнул дверь и вошел внутрь.

Типичная такая придорожная забегаловка для дальнобойщиков. В США, в отличие от России, грузоперевозки в большей степени полагаются на фуры с прицепами и в меньшей — на грузовые поезда. Так что дальнобойщиков много, времени вдали от дома они проводят много — а питаться им надо. Потому в определенных местах есть придорожный общепит, ориентированный на дальнобойщиков и байкеров.

Вот и эта забегаловка — типичная. Я к таким привык еще в шестидесятые годы прошлого века, и за добрых восемьдесят лет тут хрен что поменялось. И потому я люблю такие места, в которых гребаный технический прогресс немного приостановился.

Впрочем, прямо сейчас меня интересует не атмосфера, а еда.

Я подошел к прилавку и плюхнулся на барный стул.

Мое появление не прошло незамеченным: четверо дальнобойщиков, которые резались в карты за одним столом, сразу обратили на меня внимание.

— Парень, ты выглядишь так, словно за тобой волки гнались, — сказал один.

— Наоборот, это я за ними гнался, — ответил я и повернулся к хозяину заведения, немолодому мужику за пятьдесят: — мне пожрать. Барбекю, если есть, котлеты, яичницу с беконом, да побольше, побольше!!! Потому что волков-то я не догнал…

Водилы заржали, и другой заметил:

— Только, по правде говоря, волков тут давно нет. Вот вендиго — да, водятся. Мой кузен, который тут живет, их регулярно видит. Когда напьется.

И снова все ржут.

Ну да, я их понимаю. Я весь в листьях и земле, одежда местами рваная: восемь километров по ночному лесу это восемь километров. Причем не прогулки, а неистового забега во всю прыть. И теперь я просто безумно голоден, а они еще и ржут. Меня сложно вывести из себя, но сейчас я и так в крайне неважном расположении духа.

— Так ты, приятель, над кузеном зря смеешься, — сказал я. — Путаешь причины и следствия. Думаешь, твой кузен вначале напивается, потом видит вендиго? Не-а, наоборот. Вначале он встречает вендиго — потом напивается, чтобы испуг залить.

Они снова ржут.

Тут из кухни выглядывает деваха такая, лет под тридцать, то ли жена хозяина, то ли взрослая дочь, и говорит мне:

— У нас сейчас как раз есть спагетти с ростбифом.

— Траву и злаки к черту, а вот ростбиф тоже годится.

Она скрывается на кухне.

— Эй, парень, — говорит тот, у которого кузен, — а ты тоже веришь в вендиго?

— Верить можно в то, чего нет. Например, в бога. А вендиго существуют.

— Ну это я и называю верой. Так ты в них веришь постоянно или только после приема каких-то веществ? — и посмеивается, зараза.

— Могу сделать так, что и ты поверишь. Давай мы отсюда выйдем и я тебе организую встречу с вендиго?

— Нет-нет, спасибо, у меня не получится, потому что я веществ не принимаю и на работе не пью, — засмеялся он, тасуя колоду. — Да и занятие у меня тут поинтересней, чем шататься ночью хрен знает где и с кем.

Тут подоспела яичница с беконом и ростбиф, и я набросился на еду почти как голодный зверь. Сожрал все, потребовал добавки и стрескал еще столько же. А потом еще раз.

— А ничего так у парня аппетит, — заметил водила, до того молчавший. — Вендиго, типа, это духи голода, да?

— Вижу, ты немного приблизился к пониманию сути происходящего, — хмыкнул я.

Расплатившись и выйдя из забегаловки, я заметил в темноте фары. Оп-па, кажется, это машина шерифа.

Скрываюсь в темноте, на стоянке между двух грузовиков — те самые, на которых приехала эта четверка, других машин нет вообще — и наблюдаю. Да, точно, шериф, и прямо в забегаловку. Покушать решил или уже знает, что тут ночью в лесу случилось, и ищет свидетелей?

Уходя, я внезапно снова почувствовал злость. Ну, семь бед — один ответ.

И я распорол когтями брезент на обоих грузовиках, оставив на каждом «автограф» из четырех длинных распоротых прорех.

Пожалуй, теперь они поверят в вендиго.

* * *

Звоню в дверь.

Войс открыла мне так быстро, словно не могла дождаться

моего возвращения. Мы целуемся, я снимаю обувь и верхнюю одежду, прохожу в гостиную и сажусь в кресло.

Ну вот, я снова дома.

— Умаялся, котик саблезубый? — спросила Войс.

— Не то чтоб очень.

— Выглядишь уставшим, на тебя это не похоже, Владди.

Я вздохнул.

— Просто старею.

— М-м-м… Интересное откровение от типа, которому за сорок тысяч лет, — хихикнула Войс. — Ты только сейчас заметил?

— Увы.

Она уселась вначале на подлокотник, затем перебросила ноги через мои и оказалась у меня на коленях.

— И что же заставило тебя так думать?

Я немного помолчал, прежде чем заговорить.

— Понимаешь… То дело, которое я упоминал по телефону — это был сэндвич якобы с ветчиной, но без ветчины. Я купил в автомате сэндвич из почти одного хлеба. А когда тебе сорок тысяч лет — ты уже не можешь поступиться принципами. Если я когда-то и был способен идти поперек принципа — то уже забыл, как это делается.

— Вот же ж блинский, — ужаснулась Войс. — Ты выследил того, чей это автомат, и…

— Я влез к нему в дом ночью, усыпил хлороформом его семью, а его самого вывез в лес в багажнике, детально расписал, зачем я это делаю, дал фору в сто секунд и отпустил. А потом бросился в погоню.

— И?..

— Ты не поверишь, но… я его не догнал. Я гнался за ним восемь километров по ночному лесу. Сам все еще отказываюсь в это верить, ведь я сильнее, быстрее и выносливее. Я много лучше вижу в темноте… но я его не догнал. Вот просто взял и не догнал. Впервые за всю мою жизнь такое случилось. Старею.

Войс нахмурилась и с некоторым скепсисом спросила:

— Ты хочешь сказать, что ни разу за сорок тысяч лет не упускал добычу? Знаешь, такое случается даже с лучшими охотниками…

Я притянул Войс к себе и закрыл глаза.

— Упускал, конечно же. Бывало всякое. Твои доисторические предки были много жестче нынешних людей, много опаснее. Я не то что упускал добычу — порой сам от нее отхватывал сказочных люлей и даже спасался бегством. Бывало и такое. Но убежать от меня было невозможно до этого момента. То есть, если совсем

точно, то этого жулика я все-таки настиг, когда мы пробежали через весь лес и добежали до города. Но я догнал его на мосту через реку, мы оба были на последнем издыхании, и он просто бросился в воду. От меня и раньше спасались таким образом, я не люблю преследовать жертву в воде или болоте. От меня спасались даже совсем невероятными способами, один неандерталец как-то забежал в пещеру со львом-одиночкой внутри, хотя не мог не знать, что там лев. Не знаю, как он рассчитывал пропетлять меж двух хищников, но получилось идеально, потому что я сразу же сцепился со своим извечным врагом, неандертальцу я был даже благодарен за то, что он навел меня на логово льва… Но, в общем, до этого момента никому не удавалось спастись от меня, пробежав восемь километров так, чтобы я не смог догнать. Да что восемь — не бывало такого, чтобы я кого-то преследовал даже четыре километра. Я быстро бегаю, и либо жертва находит способ спастись в самом начале погони, либо она обречена. Но этого типа я догнать не смог. Наверное, это и есть старость.

Войс поерзала, устраиваясь поудобнее, и заметила.

— Ты знаешь, тут дело в другом, мне кажется. Был один человек, которого во время прогулки дважды в жизни била молния.

— Хренасе он живучий, если первого раза не хватило… — пробормотал я.

— О, на самом деле молния не настолько смертоносна, как кажется. Люди часто выживают после этого. Так вот, этот тип выжил и после второго удара. Много лет спустя, уже после его смерти, молния в третий раз ударила — в его надгробие.

— Если бы я верил в бога — подумал бы, что бог крепко прогневался на этого человека.

Войс хихикнула:

— В том-то и дело. Нам интуитивно кажется, что три удара в одного человека — это ну как-то уж больно невероятное совпадение. При этом мы забываем, что людей очень много, молнии регулярно бьют в людей. А человек, который занимается спортивной ходьбой по расписанию, невзирая на погодные условия, и в мороз, и в жару, и в грозу, имеет повышенные шансы получить удар молнии. Если мы добавим сюда фактор времени — то на самом деле, нет ничего удивительного, что за много сотен лет нашелся хотя бы один человек, которого молния била дважды. Таких было больше одного, на самом деле, и это закономерно, было бы удивительно, если б таких случаев не было вообще. А что потом третий удар в надгробие — ну, так в надгробия молнии тоже бьют часто. Три удара в одного человека — это не суперневероятное совпадение. Это закономерность, рано

или поздно такое должно было случиться. Вот так и с тобой. Есть люди, которые, подстегнутые ужасом, совершают невероятные вещи. Бортмеханик одного полярного летчика, когда к нему сзади подошел белый медведь, просто запрыгнул на крыло самолета без рук, сразу в полный рост. Потом другие пытались достать до крыла в прыжке хотя бы кончиком пальцев — и не могли, там было три метра. Старушка, встретившись с медведем, забралась на верхушку сосны в несколько секунд, а туристка — опять же, встретившись с медведем — перепрыгнула расщелину с рюкзаком на спине.

— Надо же, на что медведи людей сподвигают…

— Ага. Так вот, такие люди, способные на невероятное от испуга, есть. И было бы страннее, если б ты такого никогда не встречал. А то, что наконец-то ты с таким встретился — это не старость. Это просто закономерность.

Я вздохнул.

— Ну ладно, почти утешила.

О том, что четверым водилам в закусочной удалось меня спровоцировать на небольшую месть, я говорить не стал. Но это тоже странный признак: я ведь хищник, у меня нет в генах инстинкта враждовать с моей едой. Удав не может мстить кроликам, ему просто не дано. Меня практически невозможно оскорбить и спровоцировать — а поди ж ты. Недаром говорится — с кем поведешься, от того и наберешься.

Затем Войс пошла на кухню жарить мне отбивные котлеты, а я — в душ.

Освежившись, иду в свою комнату, включаю ноутбук. Все-таки, прогресс, к которому приложили руку умные люди вроде Войс и Зеродиса, терпеть можно. Вот тут мне всего лишь нужно тыкнуть по иконке — и умная программа сама запускает все протоколы шифрования и через три плетеня и туеву хучу вещей, выходящих за рамки моего понимания, отсылает вызов Зеродису, причем так, что другие умные люди, имеющие туеву хучу других сложных штук, отследить этот вызов не смогут.

— «Фагоцит» на связи, — сказал я. — Операция прошла успешно.

— О да, — отозвался Зеродис. — Я уже в курсе. Забить подонку глотку его же дурью было гениальным ходом, мы все тут просто аплодировали стоя.

— Не моя заслуга, ты же знаешь, воображение у меня так себе. Просто когда я ему сказал, что он плохой человек и мир будет лучше без него — он принялся оправдываться. Мол, и дурь его не такая дурь, и в медицине используется, и многих произведений искусства без нее не было бы… А потом он

обронил, мол, а что некоторые слабые дурачки от дури делают плохие вещи или умирают — ну, у всего есть своя цена… А меня выбешивает, когда вы, люди, ради денег и прочей хероты делаете друг с другом ужасные вещи, в то время как мы тяготились вас есть даже ради чистого пропитания… В общем, накормил урода его же собственным дерьмом.

— Хм… И знаешь, это прекрасно. Не хватило только надписи на стене. «Вы все еще барыжите наркотой? Тогда мы уже идем к вам!». Отличная работа, так-то его десять лет пытались посадить и не смогли. А что с его людьми? Он один был?

— Там были сообщники помельче, но их я просто перестрелял.

— То есть, свою природу ты не засветил?

— Нет.

— Идеально. В общем, очень красивая точка в долгих разработках, мир стал немного лучше и чище. У нас следующий на очереди, но его мы пока не нашли, займет время. Но он в Европе.

— Блджад!!! Опять мне на Аляску и через Сибирь переть за одним уродом?!!

— Лучше. Я зафрахтовал для вас с Войс самолет.

— Ну уж хрен.

— Я все продумал. Самолет спортивный, четырехместный, с катапультируемыми креслами и парашютами, есть самонадувной спасательный плот. Полет строго вдоль береговой линии. С Аляски в Японию, а там уже над сушей. Повидаешь с небес места, где никогда не бывал. Круто же. Да, забыл сказать. Наш фигурант не просто в Европе, он возле Альп где-то. Тебе же будет приятно увидеть родные края.

Я вздохнул.

— По правде, я не уверен, что у Альп родился. Я там много раз бывал, но те горы, которые я видел из материнской пещеры, могли быть и Карпатами. Ну, я подумаю. Но все же вряд ли я сяду в самолет.

— Ладно, вот тебе еще один довод: Мастерс завершил свои исследования и сумел на практике осуществить пересадку X-хромосомы на место Y-хромосомы. Но на эти эксперименты у него ушел весь твой материал, ему надо взять у тебя новые пробы и сделать еще несколько анализов. Если ты двинешься своим классическим путем — в работе возникнет пауза на пару месяцев. Напоминаю, Мастерс и так уже не молод, он не вечный, как ты. Если он не успеет довести дело до конца — где мы найдем нового такого спеца?

— Этот «спец» угробил уже сколько потенциальных

эмбрионов? — разозлился я. — Может, прежде чем возиться с женской версией меня, пусть хотя бы близнец мой родится, нет?

— Клонировать тебя — задача еще та, и ты это понимаешь. Но вообще, я тебе не говорил, но… два последних эмбриона погибли не напрасно. Мастерс установил, на каком именно этапе процесс дает сбой и что именно приводит к неудаче. Это значит, что мы близки к успеху, как никогда. Именно Мастерс настоял, чтобы новая попытка уже была с женским эмбрионом, потому что копия того же пола, что и ты — еще не решение проблемы. А Мастерс, ты уж его пойми, очень хочет успеть сделать величайшее достижение своей жизни и получить результат. Проще говоря, он хочет вырастить тебе пару и посмотреть, получится ли у вас произвести жизнеспособное потомство. И если да — тогда он сможет умереть спокойно, зная, что все-таки совершил невозможное и посмертно станет в один ряд с Ньютоном, Эйнштейном и Хокингом.

Я хмыкнул.

— Так тут даже в идеальном случае есть проблема. Мы взрослеем даже дольше вас. Это у вас девочки становятся половозрелыми в тринадцать, а у неандертальцев так даже в восемь… А у нас — примерно в девятнадцать-двадцать лет.

— Вот-вот, — согласился Зеродис. — Это значит, что до успеха даже в лучшем случае двадцать лет. Двадцать лет Мастерс протянет, но всякая заминка сильно увеличивает вероятность, что он не доживет до результата. И потому Мастерс очень просит тебя поторопиться. И мне кажется, что этот человек — последний в мире, кому ты можешь отказать в просьбе, если учесть, что он делает для тебя.

Я вздохнул.

— Справедливо.

После разговора я пошел на кухню, привлеченный запахом отбивных.

— Что там? — спросила Войс. — Зеродис уламывал тебя лететь самолетом в Италию?

— Угу. И уломал, зараза.

Передо мною оказалась тарелка с толстой сочной отбивной, в румяной корочке омлета. Нам-ням.

— Давно мечтала покататься на лыжах в горах, — протянула Войс. — В Альпах как раз сезон, если забраться повыше…

— Ну как всегда. Кому лыжи, кому разгребать всякое дерьмо…

— Хи-хи. Ну после того как разгребешь, никто не заставляет сразу же уезжать. Сделаем вид, что мы пара на медовом месяце, и отдохнем как следует. Не каждый же день в горах бываем.

* * *

Полет на самолете — такая романтика, скажут многие. Тем более на маленьком — только ты и небеса…

Все это полная херня. Мне первый в жизни полет напомнил примитивный, глупый и очень детский русский анекдот про то, как Иван-дурак писал книгу о своем походе против Кащея. В самом начале Иван садится на коня и едет к Кащею: тыдык-тыдык конь копытами по земле, тыдык-тыдык… И вся книга состояла практически только из этого «тыдык-тыдык», путь-то неблизкий был…

Если б я писал книгу о своем первом полете, там была бы такая же структура: в начале я сажусь в самолет, в конце из него выползаю, а вся середина была бы заполнена одним словом — «буэ-буэ, буэ-буэ, буэ-буэ»…

К счастью, самолет пропеллерный, типа крылатого такси, скорее для туризма, чем для прагматичного перемещения, и в нем даже окошко в стеклянной кабине имеется. Вот из этого-то окошка я первую часть полета блевал безостановочно. Как взлетели — так я голову в окошко. Летели поначалу над городом, так что если на кого попало — я не виноват. А поскольку перед полетом я имел неосторожность хорошо покушать, то попало, наверное, на многих.

— Ужас какой, — сокрушалась Войс, глядя на мои страдания.

Летчики в передней части кабины — ноль внимания. Видимо, не первый раз такой пассажир попался.

* * *

Несмотря на то, что самолет был с пропеллерами, а не реактивный, летал он довольно шустро, так что путь из США на Аляску, оттуда в Японию, а из Японии в Прагу занял у нас два дня, с ночевкой в Японии. Главным неудобством стал голод: я еще в самом начале понял, что полет может быть вполне терпимым, но при условии, что блевать нечем.

Так что от японской кухни я отказался: будет неудобно, если я при первом же визите в эту страну облюю ее из самолета.

Потом мы летели из Японии в Прагу — тоже два дня всего.

Паспортный контроль у нас проблем не вызвал нигде: Зеродис обеспечил меня паспортом на мое же лицо, но с возрастом в восемнадцать лет. В точке назначения, то бишь в Праге, мы прошли «границу» вообще без задержек, поскольку из багажа у нас только по небольшой сумке с личными вещами и

ноутбуками.

Сразу на выходе Войс сделала звонок и через минуту мы заметили идущую навстречу Стеллу.

— Надо же, кого я вижу, — сказал я. — Ты тут какими судьбами?

— Вас вот встречаю, — улыбнулась Стелла. — Отвезу вас в лабораторию, а потом в Италию. Зеродис полагает, что ты, Владислав, дальше предпочтешь по земле. Как вообще оно — летать?

— Ну, я испытываю некоторую гордость от того, что стал первым «стригоем», поднявшимся в небо и совершившим два полета.

— Два? — удивилась Войс. — Ты имеешь в виду — в Японию первый, сюда второй?

— Нет. Я совершил первый полет и последний.

Стелла заржала, затем снова стала серьезной.

— В общем, Владислав, я твоя связная на эту операцию. Ну чтоб вы внимания не привлекали. Войс же по итальянски ни гу-гу, а тебе нужна неделька-другая, чтобы выучить.

— *Sì, dove sarei senza un interprete…* ***[1]***

— Вау… Когда ты успел? — удивилась она. — Ты же забываешь языки за пару лет неиспользования?

— Конечно, забываю, — ухмыльнулся я, — только вот итальянский в Америке мне необходим, потому как основной источник моего дохода — мафия, а среди них полно итальянцев, неожиданно, да?

— Да уж, — вздохнула Стелла, — и правда внезапно.

Ее отец был мафиози в пятом поколении как минимум: ее прадед упоминал, что его собственный дед торговал спиртным еще во времена Аль Капоне.

Стелла приехала на машине, уже не той, что была у нее раньше, но снова на красной.

— Надеюсь, у тебя в багажнике нет автоматического дробовика, — сказал я.

— Увы. Я по Организации не скучаю, но вот возможности легально иметь большие пушки мне теперь не хватает.

Я вздохнул.

— Да уж. А теперь поскорее вези нас куда-нибудь в шашлычную или еще куда, потому что я безумно голоден!

* * *

Визит в подпольную лабораторию Мастерса прошел в

штатном режиме. Доктор Мастерс взял у меня нужные ему образцы тканей, оставил ассистентку готовить из образцов что ему там нужно, а сам повел меня в инкубаторную комнату, показал фотографии и заспиртованные эмбрионы и даже попытался объяснить, в чем была причина гибели клонов на втором месяце.

— Не тратьте силы, — сказал я ему, — я смогу повторить все, что вы мне скажете, но все равно не пойму смысла слов. Науки мне понятны только в общих чертах, глубже начинается китайская грамота. Главное, чтобы вы были правы, а правы вы или нет, мы узнаем через два месяца, верно?

— Верно. У меня на этот раз особый оптимизм, потому что я не только нашел проблемный этап. В этот раз мы попытаемся клонировать девочку. У людей так, что женщины хоть и слабее мужчин, но в среднем более стойки к неблагоприятным обстоятельствам внешней среды. Если у вас так же — это повышает шансы эмбриона выжить.

Я почесал затылок.

— Не могу пролить свет на этот вопрос. У нас самки были много сильнее ваших, в частности, они не нуждались в помощи самца в плане заботы о потомстве, и обычно мы не знали наших отцов. Многие, включая и меня, проявляли заботу о живущих на соседних участках самках, но она сводилась к недопуску на ее территорию опасных хищников и «чужих», «непригодных людей». И отсюда еще не следует, что хищник или «непригодный», пробравшись на ее участок через мой, мог вздохнуть спокойно. Скорее наоборот, самое страшное для него только начиналось.

— Непригодные люди? Это как? — спросил Мастерс с явным научным интересом.

— Мы внедрялись только в те человеческие стада, которые вели себя… по-человечески. В которых практикуется взаимопомощь и не практикуется людоедство на постоянной основе, особенно в отношении своего же племени. А также нет чрезмерно воинственных замашек по отношению к соседям. Для нас была неприемлема такая картина, что мое стадо воюет со стадом моего соседа и мы с ним вынуждены убивать соседский… соседских людей. Если провести параллель с овцами — нам подходили для разведения только травоядные овцы. Овцы-хищники представляли опасность и были вредителями. Непригодные овцы, понимаете?

Мастерс удивленно приподнял брови:

— А что, были такие племена, которые не практиковали взаимопомощь и могли жрать друг друга?

— Да, были. Ну не то чтоб жрали друг друга на постоянной

основе, но были перегибы, ныне вам неизвестные, например, все женщины могли принадлежать только одному мужчине. Вождю, самому сильному из мужчин. Совместные действия диктовались в значительной мере принуждением, а не родственными чувствами, и распределение благ внутри племени происходило отнюдь не путем братского дележа. Естественно, что если вождь оказывался лицом к лицу с медведем или, допустим, со мной — он, разумеется, не мог рассчитывать на помощь соплеменников.

— Невероятно, — пробормотал Мастерс, — науке неизвестны подобные племена и сообщества, так устроенные… Это совершенно противно человеческой природе.

Я усмехнулся.

— Скажите спасибо за это мне и мне подобным. Мы тоже приложили руку к тому, что такие вот человеческие популяции не дожили до появления науки. Но, если по правде, то наша роль была второстепенной. Эволюция бы и без нас расставила все по местам. Читал я, что когда-то, четыреста миллионов лет, назад были муравьи-одиночки. Хищные муравьи, которые охотились сами по себе, вместе собирались только ночью и не являлись слаженной общиной, в которой любой без колебаний умирает за свой муравейник. Они были каждый за себя. Где они теперь? Только в янтаре. Так вот, с людьми произошло то же самое. Менее социальные из вас вымерли на моих глазах, можно сказать. Причем давно, еще до вымирания мамонтов.

* * *

После Праги Стелла повезла нас в Италию. Сам путь был довольно долгим, потому что вертеть баранку в одну пару рук — занятие утомительное. Войс сама только-только получила права и особых навыков вождения еще не имеет, а я, кое-как обученный водителем, который сам водит кое-как, вообще никуда не гожусь.

Так что ехали мы часа по три-четыре до обеда, останавливались в каком-нибудь городке, обедали, отдыхали, а потом еще ехали три-четыре часа и останавливались на ночлег в первом попавшемся мотеле.

— На поезде или автобусе дальнего следования было бы быстрее, — заметил я.

— А куда мы спешим? — пожала плечами Стелла. — Все равно того типа Зеродис и его Легион не нашли еще. Знаем, где примерно, выслеживаем, есть много следов и зацепок, но пока еще точно не установили.

— Ну и ладно, хоть посмотрю, что тут и как, а то в последний

раз был здесь во времена второй мировой.

— Ага, — кивнула Стелла. — Вы радуйтесь, что у вас курорт, отдыхайте, ну и я вместе с вами развлекусь. Работать на Легион как-то повеселей, чем на Организацию, но вообще я не то чтоб большая любительница работать. Альпы, лыжи, альпинизм — все это куда приятней.

К тому моменту, как мы прибыли в Италию, фигуранта все еще не разыскали, так что за неимением важных дел я поехал вместе с Войс поближе к горам.

Да, как там в песне поется, «лучше гор могут быть только горы». Но если тот бард больше всего любил горы, на которых еще не бывал, то я наоборот. Все-таки, любовь к родным краям — это инстинкт. И мне приятно вновь оказаться в местах, где я вырос. Правда, я не помню точно, были то Альпы или все-таки Карпаты, но и там, и там я прожил громадные отрезки времени, исчисляющиеся тысячами лет. Паспортов и картотек тогда не было, и я мог просто перебираться с места на место, порой дистанция переселения составляла пару десятков километров. Пожил в одном племени лет пятнадцать — перебрался в другое. Потом в третье. А через тридцать лет вернулся в первое, и там меня уже никто не узнает. Я даже лицо тогда менять не умел — а зачем? Фотоаппаратов, которые могли бы выдать меня, не было, и если я возвращался в первое племя спустя тридцать лет — даже старики, которые еще помнили, принимали меня за моего сына, что, опять же, обеспечивало мне теплый прием с самого начала.

И — вот они, Альпы. Последний раз я видел их двести лет назад, если не больше, и за этот срок они изменились сильнее, чем за предыдущие десятки тысяч лет. То есть, на самом деле, почти не изменились, только снежные шапки стали поменьше: злогребучий прогресс с его глобальным потеплением, блджад. Но в целом — те же горы, те же вершины. И я узнаю и Большой Вигвам, и Длинную Хижину, и Шалаш Каменного Хозяина — они все там же, на тех же местах. Только Шалаш уже не дымит, Каменный Хозяин давно потушил свой очаг…

Мы прибыли в небольшой городок у подножия гор вечером, хорошенько поужинали в ресторане, двинулись в горнолыжный курортный поселок на некоторой высоте над уровнем моря. Стелла взяла себе отдельный номер, а мы с Войс — номер на двоих, и вечер закончился у нас очень даже замечательно.

А наутро мы первым делом поперли кататься на лыжах. Верней, поперлись Войс и Стелла, а я так, за компанию. Правда, тоже с лыжами: надо же немного повыдрючиваться. Верней, вроде как и не надо, но привычка — вторая натура. Девушек, небось, будет полно, и не будь со мной Войс — уже вторую ночь я провел

бы в постели какой-то милашки. В этот раз все будет труднее, но если очень постараться — можно и новую девочку трахнуть, и Войс не потерять. Как говорится, нет ничего плохого в измене партнеру, плохо только, если партнер узнает.

И да, я прокатился на слаломе, с выпендрежем и кувырками, да так, что внизу, на финише трассы, мне аплодировали другие туристы.

— Вау, ну ты и даешь, — сказала Войс. — Никогда бы не подумала, что ты такой мастак и на лыжах…

— Пф-ф-ф… Понимаешь, я катался на лыжах по этим склонам за тысячи лет до того, как это стало мэйнстримом. И надо признать, нынче это более скучное занятие, чем тогда.

— Почему?

— Волков немного не хватает.

— Каких волков? — спросила Стелла.

— Ну таких, которые с воем бегут следом за лыжником. Вот там был адреналин, не то, что нынче.

Остаток дня я занимался тем, что наблюдал за катаниями девушек, сидя у бара и наяривая шашлыки и барбекю. Периодически и сам гонял, что помогло мне познакомиться с кучей новых людей. В основном, правда, это были парни, которых интересовало, где я научился и не спортсмен ли я. Были и девушки, но я обнаружил, что почти все женщины тут с партнером: обычно мужчина берет свою жену или подругу покататься на лыжах, девушки, приехавшие сами по себе — единичны, хотя попалась даже женская группа.

По этой же причине Стелла быстро «обросла» целой группой поклонников: на лыжах она так себе, но внешние данные вполне недурственны, так что интерес мужского контингента к «ничейной» девушке закономерен.

— Ужас, какие же они все никчемные, — вечером посетовала на них Стелла, — ни ума, ни привлекательности, ни физической формы, ни приличного состояния. Самые лучшие из них имеют максимум два из четырех этих критериев, какая печаль.

— Я это знал еще в самом начале, — хмыкнул я. — Просто потому, что привлекательные парни сюда ездят с подругами. Кто приехал один — стало быть, у него не все замечательно.

— Бывают девушки, которые не любят лыжи, — заметила Войс.

— Если у парня есть девушка, которая просто не захотела поехать с ним в горы — ну, тогда парень, у которого все хорошо в личной жизни, должен интересоваться лыжами, а не девушками. А если он так падок на женщин — тогда его девушке точно не следовало отпускать его одного, без присмотра. Логично?

— Хм… Да.

— Вот. Отсюда следует, что классный парень, приехавший на курорт без подруги — исключение из правила, и основная масса парней без девушки — весьма так себе.

Стелла отхлебнула из чашки горячего кофе и сменила тему:

— Завтра чем займемся? Снова сюда?

— Ну, в принципе можно, — согласилась Войс, — но тут есть другие занятия? Может, нам в горы двинуться? Хоть одну вершину покорю. Владди, а ты знаешь здешние горы хорошо?

— Знал хорошо. Но то было много тысяч лет назад. А вообще мне нравится идея пройтись по знакомым местам…

— Нет, я снова на лыжи, — сказала Стелла. — Все-таки, вдруг я тут встречу классного парня, который будет исключением из правила.

* * *

На следующее утро мы с Войс поперли на горную базу. Сама база — перевалочный пункт, где желающие совершить восхождение акклиматизируются и отдыхают, заодно там же выявляются люди, склонные к высотному отеку головного мозга. В целом, такой себе поселок, где уже как бы не равнина, но еще и не экстремальная высота, тысячи три, не больше. Имеется отель, ресторанчик, а также магазин горного снаряжения, где его можно взять напрокат, и своего рода штаб, где тусуются инструкторы, спасатели и прочий персонал, чья задача — обеспечить туристу подъем и спуск.

Наверх мы поперлись пешком: Войс захотела оценить физические сложности задачи. И, в общем, оценила по достоинству, потому что последний отрезок я ее практически тащил «на буксире».

— Знаешь, — сказала она мне, когда мы сидели в ресторанчике, грелись кофе и поправляли силы шницелями, — это только внизу казалось, что взойти на вершину будет клево. Что-то у меня возникли сомнения в том, что я еще хочу этого. Мне кажется, слишком тяжелая затея для развлечения, хоть это и относительно невысокий пик.

— И правильно, — кивнул головой я. — Там, наверху, я бывал. Ничего интересного, честно. Обзор — это да, но единственная фишка обзора с вершины — возможность обозревать в любую сторону. В остальном же не очень важно, смотришь ты на долину у подножия с трех километров или с четырех, разница невелика. Вообще, чтоб ты лучше поняла — это

атавистический инстинкт. Человек всегда стремится занять более высокий наблюдательный пункт, чтобы своевременно обнаружить опасность вроде идущего по следу хищника. У меня его нет, потому что я сам как раз и есть тот хищник. Я не испытываю иррациональной любви стоять в самой высокой точке чего-либо. Если ты вычеркнешь из своего списка пункт про формальное покорение вершины — то просто погулять в горах на безопасных обустроенных маршрутах и полюбоваться панорамой без риска схватить отек мозга можно и чуть пониже. Вот прямо тут мне вполне себе комфортно и уютно. Как в старые добрые времена, только лучше, потому что здесь уже не осталось ни волков, ни враждебных племен. Захотели погулять — пошли, устали — вернулись в отель. И гулять по горизонталям куда романтичнее, ибо на вертикальном маршруте ты будешь постоянно думать не про романтику и красоту, а про то, на что бы поскорее усадить свою уставшую задницу.

— Наверное, ты прав, — согласилась Войс, — покорять вершину для галочки — больно трудоемко и нерационально. Ты эту гору тоже знаешь?

— Ага. Женский Вигвам — так ее когда-то называли люди здешних племен.

— М-м-м… Похоже, ты сможешь поведать мне много интересного об этих местах, да?

— Не сомневайся.

Эхо прошлого

И мы пошли гулять по самому безопасному маршруту. От гида мы отказались, нам только вручили брошюрку с обозначением маршрутов, а еще мы обзавелись кое-каким снаряжением вроде специальных ботинок с шипами, ручных палок и ранцев с утепленными спальными мешками и аптечками. Хороши только ботинки, все остальное довольно примитивно, для восхождения не самое хорошее подспорье, но для туриста, находящегося ниже «профессиональной» высоты — куда не стоит подниматься без подготовки, снаряги и проводника — сгодится.

На этом настоял я.

— Твои предки, — сказал я Войс, — обходились без всего этого, но не потому, что оно им было не нужно, а потому, что такого тогда не было вообще. А еще они были местные. Привычные. И поверь, что никто и никогда не забирался на высоту без серьезной на то причины, к тому же мы сейчас находимся на высоте, куда причин забираться обычно не было. Чтоб ты понимала, уже вот сюда, на этот уровень женщина могла подняться только в одном случае — если ее преследовал кто-либо. Нынешний прогресс, все эти обустроенные маршруты, ограждения, горные приюты — все это сделало местность менее опасной. Но это не парк даже для меня, что уж говорить о тебе.

— Ах, ну я не переживаю, у меня же есть проводник из местных, — хихикнула Войс.

До вечера мы прогулялись по окрестностям, и Войс, к моему удивлению, выдержала это лучше, чем я думал.

— Да, не парк, — сказала она, когда мы сидели, взявшись за руки, на камне у ограды на краю, — но все-таки, тут круче. Есть некая романтика в том, чтобы сидеть так высоко, слушать пение ветра и смотреть вниз, в пропасть у ног, где раскинулись долины, луга, поселки… Вот бы попасть в какое-то место, где до нас вообще никто никогда не бывал…

Я усмехнулся.

— Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал… На которых никто не бывал. Слова из песни, но она на русском, на английском не «играет», переводчик песен я такой себе. Но, кажется, автор той песни был не одинок в своем мнении. Знаешь, насчет «никто никогда» помочь не могу, но завтра, если хочешь, я покажу тебе тут одно место, особенное для меня. Километров шесть вокруг склона и немного выше. Совсем немного. Не думаю, что там будет маршрут, но путь я знаю. Если не было каких-то кардинальных изменений горы — практически

безопасно, хоть местами придется поднапрячься. Но никаких пропастей, лавин, узких карнизов и так далее.

— Вау, — сказала Войс. — Звучит очень интригующе.

Вечером мы сидели на веранде ресторана, попивая кофе и созерцая панораму.

— Знаешь, я тут подумала, — меланхолично сказала Войс, — мы вместе уже не первый день, а ты так и не спросил, как меня на самом деле зовут.

Оп-па… Да, мой просчет… но плевый.

— Я зову тебя так, как ты сама представилась, — пожал плечами я. — К тому же, ведь и ты тоже не спросила, как меня на самом деле зовут. Я-то представляюсь Владиславом, но ты же понимаешь, что с моей точки зрения это такой же псевдоним, призванный скрыть мою настоящую личность, как и твой псевдоним «Войс». Так что мы оба зовем друг друга по кодовому псевдониму.

— Ладно, подловил, и как же тебя на самом деле зовут? — улыбнулась она.

— Если я сейчас скажу свое имя вслух — часть народа обделается, часть побежит в ужасе прочь, а остальные попрячутся под столы. Даже не знаю, в какую группу попадешь ты. А как на самом деле зовут тебя?

— Ага, щаззз! — Войс показала мне язык. — Ты у нас такой скрытный, а свое имя тебе возьми да скажи? Раз так — будем, как раньше.

Я только пожал плечами: как угодно.

* * *

Утро выдалось теплым и безветренным, так что мы преспокойно двинулись на поиски моего секретного места. Взяли пару термосов кофе, сэндвичи и барбекю — и вперед.

Места порой узнать не совсем легко, но я нахожу нужные тропы. Местами они протоптаны и огорожены, местами перебираемся с уступа на уступ. Вначале я взбираюсь, потом втаскиваю Войс.

— Слушай, а почему эта гора называется «Женский Вигвам»?

— Точно не знаю. Возможно, потому, что меньше.

— А вон та?

— Вигвам Каменного Хозяина. Ну или Шалаш.

— А что, у здешних жителей были вигвамы?

Я пожал плечами.

— Без понятия. Я могу переводить с языка на язык только при

условии, что знаю оба одновременно. Все эти горы, с точки зрения тогдашнего моего племени, были шалашами, вигвамами, хижинами Каменного Хозяина, его жен и так далее. Жилищами. Я сейчас просто подбираю названия, похожие по смыслу, вот и все.

Километра через три Войс уже подустала. Мы подкрепились, передохнули, затем она взглянула на планшет.

— Вон там седловина Хауслабьох, три двести над уровнем. Нам туда?

— Ага. Последнее усилие.

В конце концов я, таща Войс «на буксире», взобрался в точку назначения — и остолбенел.

Прямо перед нами возвышается узкая каменная пирамида метра так в четыре.

— Вау, что это? — воскликнула Войс.

— Блджад, что это?!! — воскликнул я.

Она перевела взгляд на меня:

— Постой, так ты не это хотел мне показать?

— Место это, но что это за херня тут стоит — я без понятия! И она мне уже не нравится…

Войс обогнула ее вокруг и сказала:

— Смотри, тут табличка. Это памятник.

— Кому?

— Этци.

— Кто такой Этци? — нахмурился я, ожидая худшего.

— Это доисторический человек, который тут погиб и вмерз в лед. Его нашли на этом месте и назвали по местности — Эцталь.

БЛДЖАД. Я почуял неладное с первого же взгляда на эту пирамиду… и не ошибся.

— А что было потом? — спросил я, изо всех сил стараясь делать вид, что спокоен.

— Погодь, я погуглю… В смысле — потом?

— Ну нашли его — а за что памятник?

Войс просмотрела текст на экране и сказала:

— Ну наверное, потому что это самая древняя естественная мумия в Европе. Исследования Этци позволили пролить массу света на ранний медный век в этих местах.

Ну, сволочуги…

— А где Этци сейчас?

— В музее города Больцано… Владди, а почему у тебя лицо так дергается? Ты меня пугаешь!

В музее, блджад?! Суки, за Лиса я сожру вас без соли и перца!!!

— Да так, тик напал, — попытался я оправдаться. — В общем, мне срочно надо в Больцано: обожаю музеи!

* * *

— И что ж вам так быстро надоел курорт? — проворчала Стелла, садясь за руль.

— В музей охота, — ответил я.

— Эх, а я как раз познакомилась с парнем — летчик, прикиньте? Военный. И такая рама — даже не знаю, как он в кабину влезает…

Войс мрачно покосилась на меня и вздохнула.

— У нас проблемка посерьезней твоего сорвавшегося романа.

Вот же болтушка…

— А что случилось? — удивилась Стелла, заводя мотор.

— Ты не поверишь, но тут пятьдесят лет назад нашли во льдах тело доисторического человека.

— Ну и что с того?

— Мумия находится в музее города Больцано.

— А, так вот оно что… Владислав, а зачем тебе в музей?

— Друга навестить, — буркнул я.

— А откуда ты знаешь, что эта мумия — твой друг?

— Тупой вопрос. Потому что тело нашли ровно в том месте, где я его похоронил. Совпадение? Не думаю.

— Постой… Это кто-то твоего вида?

— Нет. Он был человеком.

— Хм… Вот уж не подумала бы, что ты можешь дружить с едой, а тем более хоронить ее…

— Он был исключением из правила.

— Надо же… Давно это было?

— Хрен знает сколько тысяч лет назад. Когда вы только научились выплавлять оружие из меди.

Тут снова заговорила Войс.

— Только проблема есть. Владди пришел в тихое бешенство, когда мы обнаружили памятник на том месте. Владди, ты же что-то нехорошее задумал, да?

— Ну кому как, а мне вполне хорошее. Музей сожгу к чертям собачьим, работников сожру живьем.

— В музее много людей работает, ты столько не съешь, — Стелла попыталась перевести все в шутку, но я точно не настроении шутить.

— Не съем, так понадкусываю.

Она свернула на обочину и остановила машину.

— Нет-нет, так дело не пойдет. Ты хоть уголовный кодекс и не чтишь особо, но это все равно перебор.

Я приподнял бровь:

— Уголовный кодекс — это книжка такая, да? Я, помнится,

что-то такое читал. Там, кстати, написано, что нельзя осквернять могилы. Ибо это есть грех, а наказание за грех — смерть.

— Нет, про грех это уже из библии. Слушай, Владислав, я-то понимаю, что ты огорчен слегка…

— Слегка?!! Хрена себе слегка!!! Стелла, а вот представь, что это твоего покойного отца или друга кто-то вот так в музее выставил на всеобщее обозрение! Ты бы только слегка огорчилась, да?

Стелла несколько секунд барабанила пальцами по рулю.

— Ну, по правде, я бы вставила этому кому-то автоматический дробовик в зад и держала гашетку, пока не кончатся патроны… Ну только… Понимаешь, это не осквернение. Ну как бы это другое…

— Просто между прочим, — вклинилась Войс, — там дело обстояло так, что тело поначалу приняли за погибшего альпиниста. Это уже потом в морг пришли ученые и установили истинный возраст покойника. То есть, тело само оказалось наверху после таяния льдов и его забрали из лучших побуждений…

— Из лучших побуждений его надо было перезахоронить там же. Меня отдельно выбешивает то, что на моего друга не распространяются элементарные нормы морали. У вас, людей, мораль и так хромает через пень-колоду, но тут уже совсем выход за рамки! Если я выставлю на витрине твоего отца — это будет надругательство над трупом. Почему эта норма не распространяется на моего друга? Он, между прочим, был таким же человеком, как и вы все!

Стелла вздохнула.

— Ладно. Допустим. Претензия справедливая. Но давай палку-то не перегибать? Мы как бы на моей исторической родине, и мне не нравится, что ты собираешься уничтожать имущество, культурные ценности, убивать людей из-за относительно небольшого недоразумения. Ведь никто не имел злого умысла против твоего покойного друга. Давай без вандализма?

Я тяжело засопел.

— А не получится без вандализма. Я слабо представляю себе, как буду тащить из Больцано тело обратно в горы. Его придется сжечь. Лис хотел быть похороненным там, в горах, но за неимением такой возможности придется обеспечить ему достойный погребальный костер. Уже за отказ ему в праве на посмертное упокоение по его воле сжечь музей более чем справедливо.

— Эм-м-м… А давай мы подумаем, как вернуть тело в горы, и восстановим статус-кво без лишних перегибов, пожаров и

убийств?

Я снова засопел, но предложение показалось мне привлекательным. Хрен с музеем…

…К тому же условие «без пожаров и убийств» не лишает меня возможности отомстить.

Просто месть будет более изощренной.

— Ну ладно, — сказал я вслух.

— Так мы договорились? Без вандализма, пожаров и резни? — уточнила Стелла.

— Если мы сможем вернуть тело Лиса и перезахоронить — тогда я буду мстить без вандализма, пожаров и резни.

— Да чтоб тебя… А это не ты мне как-то рассказывал, что мстительность тебе не свойственна? — прищурилась Стелла.

Я мрачно хмыкнул.

— Мне не свойственно дружить с едой, как ты сама же и заметила. Но Лис был исключением, и ради него я пойду на исключительные меры. Да это даже и не месть как таковая, просто воспитательная мера. Понимаешь, если сегодня мы из научного интереса плюнем на моральный аспект содержания покойника в музее — завтра положим на алтарь науки живых людей. «Окно Овертона» во всей своей красе.

— Ах, надо же… Хищник-людоед читает человеку лекцию о морали, хи-хи, — с сарказмом произнесла Стелла, заводя двигатель.

— Я читаю тебе лекцию о том, что вы, люди, получили от нас. Склонность хоронить своих мертвых — не инстинкт, у вас его нет, хотя вы думаете, что есть. Перенятая у нас поведенческая модель, вот что это такое. Знаешь про обезьян, которых поливали из шланга за попытку достать бананы?

— Э-э-э… Нет. Что за обезьяны?

— В клетке сидели пять обезьян. Их кормили невкусной пищей, а под потолком висели бананы. Как только одна обезьяна пыталась достать бананы — их всех поливали водой из шланга. Когда одну обезьяну заменили на новую, та сразу попыталась достать бананы, но ей не позволили остальные. Когда заменили вторую, первая замененная вместе со старичками отгоняла новенькую от бананов. Их продолжали менять, и кончилось тем, что в клетке сидели обезьяны, которых никогда не поливали из шланга, но они не пытались достать бананы и не позволяли новеньким. Вот так и возникают поведенческие модели, проще говоря — традиции.

— Охренеть… Кто бы мог подумать, что это вы научили нас хоронить покойников…

Я вздохнул.

— Рисовать вы тоже научились у нас. Сама идея того, что сигнал можно нанести на окружающий мир, витала рядом — в виде ссущих на свои границы животных — но развить ее от использования запаха до использования визуальных меток вы сами не смогли.

— Как так? — удивилась Войс.

— А вот так. У вас не было к тому предпосылок, вы стадные животные. Вы подаете друг другу сигналы голосом, зачем писать письмо тому, кто находится рядом? Мы — территориальные одиночки, и у нас нет нюха и резко пахнущей мочи, а необходимость оставлять метки и сигналы была. Первые в истории наскальные изображения были отпечатками наших ладоней, и только потом вы подсмотрели у нас идею и развили ее.

— Хм… А почему ваши отпечатки не сохранились, а только наши рисунки?

— Потому что вы рисовали внутри пещер, а мы свои сигналы оставляли снаружи, у входа.

Некоторое время прошло в тишине, только двигатель урчит да шины шуршат. Стелла вертит баранку, я молчу, погруженный в воспоминания, Войс просматривает планшет.

— Тут написано, что Этци погиб насильственной смертью. Предположительно, там был некий замес, возможно, продолжительностью более дня. На вещах и одежде покойника нашли кровь нескольких разных людей. На наконечнике стрелы в колчане была кровь двух разных людей, и кровь еще одного была на плаще Этци. Судмедэксперты предположили, что он спасал раненого соплеменника, неся его на плече.

— Умные эксперты, — признал я. — Так точно описать события, произошедшие много тысяч лет назад… Только вот они в одном все же ошиблись: на плаще Лиса была кровь не человека. Тем, кого он нес на плечах, был я.

— Ах, вот оно что… Он спас тебе жизнь?

— Да, но дело не совсем в этом. Меня порой выручали из затруднительных ситуаций люди, такое бывало. Но Лис — единственный за всю историю человек, который погиб, спасая меня. Отдал свою жизнь за мою. И, в общем, я ему благодарен не только за это.

* * *

Через пару часов мы остановились у придорожного кафе перекусить. Я взял какой-то итальянский мясной бульон, Стелла

— кофе и пончики, Войс ограничилась ломтем пиццы.

— А что, у древних людей действительно имена были такие же, как у индейцев? Они использовали названия животных как свои имена? — полюбопытствовала Войс.

Я кивнул.

— Ага. Специальных слов-имен тогда не придумали, да к тому же и современные имена на самом деле недалеко ушли. Владислав — «владеющий славой». Филипп — «любитель лошадей». Стелла — «звезда». То есть, имена все равно содержат в себе названия и характеристики. Допустим, где разница между именами «Владеющий Славой» и «Сидящий Бизон»? Первое слово описывает действие — владеть или сидеть. Второе связано с первым, если владеющий — то чем, если сидящий — то кто. Всякое человеческое имя несет в себе некий смысл, характеризует носителя, да и то не всегда. Вот Стелла у нас не то чтоб звезда, а я сам особо не прославлен. У древних людей имена хотя бы соответствовали носителю, потому что давались индивидуально, а не из некоего стандартного списка. Имена же, не имеющие иного смысла, кроме идентификации конкретной персоны, были только у нас, стригоев.

— Лис был хитрым?

— Да, и его полное имя было как раз Лис-который-хитер. Да, он был чертовски хитрым и исполнял функции ходока и разведчика.

— Может, просто Хитрый Лис? — предположила Стелла.

— Нет, именно Лис-который-хитер. Такие тогда здесь были имена в ходу. Да, звучит нескладно, но по правде, тот язык смело можно считать самым замороченным и конченным из всех человеческих языков, которые я когда-либо знал. А я знал их много и все учил легко… кроме этого. Например, если речь о высоком дубе — то так и будет, «высокий дуб». А если это имя — то непременно Дуб-который-высок. Дочь Лиса и вовсе звали Чайка-которая-сидит-на-самой-высокой-скале.

— Трындец! — заржала Стелла.

— Угу. В общем, весь язык был таким неудобным и шизофреническим. Все человеческие языки — они, на самом деле, одинаковые. Представьте себе шкуру, в которой каждый волосок — язык какого-то племени. Тогда язык Лиса был бы единственной шерстинкой, торчащей против шерсти.

— Ну насчет одинаковости языков ты, наверное, перегнул, — заметила Войс.

— Не-а, ни грамма. Я давно понял, что все дело в том, как работает мозг. Поскольку мозги у людей работают примерно одинаково — придуманные ими языки имеют много общих черт.

Допустим, я говорю, «Войс, помоги мне поднять этот стул». Вначале идет обращение, идентификатор адресата. Затем — запрос на действие, то есть помощь. Далее идет атрибуция действия — кому именно надо помогать. И в конце — с чем именно помогать. Данная фраза может быть переведена с английского на множество языков всего лишь заменой слов и при этом она останется не только понятной, но и соответствующей нормам нового языка. Даже полуязыки неандертальцев, которые не работали без жестов, сопровождающих слова, действовали по той же схеме. «Это помогать это поднять это», с указаниями на собеседника, себя и бревно при слове «это». Хоть неандертальцы были вообще другим для людей видом, схематика голосовых команд та же. Потому что дважды два — четыре для всех, и логика формирования звуковых команд — тоже в чем-то закон природы. Вообще, я могу доказать эту теорию простым фактом.

— Каким?

— Спорим, есть такое слово, которое во всех языках одинаково звучит и имеет один и тот же смысл?

* * *

Давайте поиграем в игру.

Тот, кто первым в комментах назовет это слово — получит бесплатный промо-код на следующую платную книгу о Реликте.

Языковые проблемы

— Спорим, есть такое слово, которое во всех языках одинаково звучит и имеет один и тот же смысл?

— И что это за слово такое? — удивилась Войс.

— А? — сказал я.

— Я говорю — что это за слово?

— А я тебе отвечаю: это слово «а?». Вопрос «а?» в значении «я не расслышал, повтори еще раз» есть во всех языках, которые я когда-либо знал, он был даже в языках неандертальцев. У всех людей одно и то же значение, одно и то же звучание. Единственное исключение, которое я знаю — украинцы. У них это слово звучит как «га?», то есть, тоже почти так же. В общем, этот вопрос — он такой у всех. Есть какая-то причина, почему все люди, не сговариваясь, используют вопрос «а?», если что-то не расслышали.

— А кто такие украинцы? — спросила Стелла.

— Люди такие. Если коротко — они почти как русские, с очень похожим языком, и даже считают, что русские — это они, а не русские.

— Чего-чего?! — не поняла Стелла. — Это как?

— Ну вот так. Два народа почти что одной крови, которые вечно спорят, которые из них настоящие русские и кто из них «старший брат», а кто «младший». Еще и воевали порой, ну так у них повелось.

Стелла хмыкнула.

— Да уж… Из-за вот этой вот фигни воевали?

— М-м-м… Да нет, у них там разногласия другого рода, я и сам не разобрался до конца. Языковые проблемы в том числе. Оба языка взаимно понятны, но при этом пожелание удачи на украинском языке звучит для русского как матерное оскорбление.

— Да ладно?! — удивилась Войс.

— А вот прикинь. Сравни *«нэхай щастыть»* и « *нех@й шастать»*.

— Ты вроде ж сказал два раза одно и то же? — спросила Стелла.

— В том-то и дело, что нет. Там есть и другие такие моменты. Я как-то забрел на какой-то митинг, а там украинцы орут — «Смерть катам! Смерть катам!». Я слушал и думал: ребята, «гринписа» на вас нет. Что вам коты-то сделали?! В общем, если знаешь только русский — то украинский вроде как понимаешь, но иногда такие хохмы бывают, что только держись. И это мне, а я-то тонкие нюансы просекаю на слух получше людей.

— Мда… Столько проблем из-за украинского языка…

— А проблема-то не в нем. Проблема в русском скорее. Понимаешь, как-то так получилось, что у русского куча совпадений с другими языками… Положим, арабы поют песню о своей родине на арабском же языке — а русскому человеку кажется, что поют на русском… Только не о родине, а о двух мохнатых проститутках, живущих в кибитке. Араб поет — «родина, родина, родина», русскому слышится — «бл@ди, бл@ди, бл@ди»… А уж если на арабском сказать «атьебу билядина» — то есть «моя страна самая красивая» — там уже что русский, что украинец — могут сразу в морду дать. Вот так вот и живут.

* * *

На всякий случай, если есть читатели, у которых чувство юмора такое же, как у главного героя (то есть отсутствующее) — сообщаю, что это шуточная глава, ее не следует воспринимать всерьез:)

Кстати, можете загуглить на ютубчике песенку «бл@ди, бл@ди, бл@ди» — а то вдруг кто-то не знает этот древний прикол.

Музеи и грабители оных

Музей в городе Больцано меня не впечатлил. Вообще, я музеи тихо ненавижу, так что даже удивительно, как я сумел сказать «обожаю музеи»: давно мне не удавалась настолько откровенная и прямая ложь.

Что такое музей для человека-однодневки? Возможность прикоснуться к прошлому, пусть и не в буквальном смысле, ведь в музеях трогать экспонаты нельзя. Возможность почувствовать дух прошлого, мысленно перенестись на сотни и тысячи лет назад. Артефакты, чей возраст равен жизни десятков и сотен поколений, вызывают в людях трепет и благоговение.

Что такое музей для меня? Просто набор вещей, которыми я когда-то пользовался. Не именно этими, но точно такими же. И да, мне известны минимум три музейных экспоната в разных точках мира, которые некогда действительно принадлежали мне лично. Совпадение? Да не то чтоб очень. Просто больно много вещей прошло через мои руки за мою долгую жизнь и, как сказала Войс, было бы странно, если б хотя бы пара из них в итоге не попала в музеи.

И как-то раз я, обхаживая очередную грудастую студентку, забрел вместе с ней в музей. Дело-то было в шестидесятых годах двадцатого века, когда сексуальная революция уже началась, но не набрала силу. Укладывать девочек в постель без свадьбы стало попроще, но все еще требовались довольно затратные по времени ухаживания.

Ну и в этом музее я блеснул своими познаниями, рассказав своей «добыче» историю одного каменного молота. И то, из чего и как он был сделан, и то, как использовался, как был сломан и где впоследствии найден.

А ларчик открывался просто: это был мой каменный молот, я совершенно случайно увидел на куске камня узоры, виденные мною всего раз в жизни, и потому узнал обломок. Я уже давно забыл и лицо хромого мастера, который сделал для меня особо тяжелый молот, пользоваться которым мог только я, и лицо его дочери, с которой коротал ночи каменного века и которая стала причиной того, что я получил особенный, украшенный узорами подарок, но все еще помню те события в общих чертах.

После того случая я совсем перестал уважать музеи: ну серьезно, как уважать учреждение, которое почитает за сокровище выброшенный мною мусор?

Да и вообще, это люди умиляются, глядя на какую-то старинную вещь. А для меня все эти вещи не старинны, а

наоборот: я всегда ненавидел прогресс и по сей день хорошо помню свою досаду от каждого нового изобретения.

Дубины? Ладно, окей, штука полезная, хорошее дополнение к когтям. Потом какая-то поганая макака додумалась утыкать деревянную палку клыками животных — и с такими палицами начала ходить вся моя еда. Потом другая обезьяна додумалась вставить несколько плоских кремней вдоль рукоятки, и полученным орудием стало возможно не только бить, но и кромсать с оттяжкой. Ну а поскольку мне не свойственен технический способ мышления, то суть каждого человеческого изобретения становилась мне понятна только после того, как я этим изобретением получал по хлебалу или по чему придется.

И потому музей для меня — своего рода «сундук страданий», как у саперов. Только саперы попадают туда якобы после смерти, а я — при жизни, когда вхожу в музей и вид древних вещей оживляет во мне связанные с ними болезненные воспоминания.

Что до музея в Больцано, то он и вовсе вышел на новый уровень моей неприязни. Раньше я музеи просто не любил, но теперь… Вид моего старого друга, выставленного на всеобщее обозрение в таком жалком виде, в каком он оказался, взбесил меня донельзя.

Пожалеете, суки, ох пожалеете… Бойся гнева того, кто не умеет ненавидеть, сказал один писатель.

…Потому что прощать он тоже не умеет.

Мы с Войс и Стеллой прогулялись по музею, осмотрели обстановку, а затем устроились в кафешке напротив и подвели итоги разведки.

— Непросто будет грабануть такой музей, — сказала Стелла. — К счастью, там действительно хорошая система безопасности только на третьем и выше, где много дорогих вещей. Первые два — все сплошь каменный век, там ни золота, ни произведений искусства, только кости, камни да черепки. Некоторые артефакты уникальны, взять хотя бы и твоего друга, кхм, но… У этого добра нет цены, и потому его не продашь на черном рынке. Но контейнер с телом — из пуленепробиваемого противоударного стекла, я это сразу просекла.

— Угу, — кивнул я, — и замок там без скважины.

— Вообще-то, там не нужна хорошая защита, — сказала Войс. — Музей на сигнализации, ясное дело, все залы под полным наблюдением камер. С молотком и ломом его не взять. То есть, взять можно, но полиция будет тут очень быстро.

Я вздохнул.

— А я бы взял. Без молотка и лома вообще. Я двадцать лет назад в Ухане залез аж в лабораторию биологического оружия,

откуда коронавирус появился — там все было, наверное, посерьезней, чем в музее.

— Вау, — протянула Стелла, — а что ты там забыл?

— Так сыворотку от вируса же. На каждом шагу в те дни стояло мудло с термодатчиком, а у меня нормальная температура тела выше, чем у вас…

— И нашел?

— Нет, китайцы вирус создали — а сыворотку не смогли. Это им не шубу в трусы заправлять.

Тут заговорила Войс:

— А это ж ты как умудрился пройти их систему безопасности?

— Пф-ф-ф-ф… Защита не спасает от человека, который там работает, имеет зарегистрированные в системе лицо, голос, отпечатки пальцев и ключ-карту. Ну то есть, человек, который там работал, сидел дома, примотанный скотчем к жене и шкафу, но меня от него не отличили ни приборы, ни охрана.

— Хм… Так ты и тут можешь то же самое сделать?

— Есть проблема. Оттуда я собирался вынести пробирку или баночку. Отсюда надо вынести человека. Вот тут как раз собака и зарыта.

Войс приподняла бровь:

— На самом деле, не совсем человека. Останки Этци — ну то есть Лиса — весят тринадцать килограммов всего лишь. Это полностью обезвоженная мумия.

— Угу. Но ты сама видела, в каком положении застыло его тело. Как его так вынести? Сама понимаешь, я не собираюсь отламывать ему руки и ноги, чтобы он влез в рюкзак. Вынести тело подмышкой еще можно — дальше куда с ним, если тут уже будет полиция? Сам я скроюсь в два счета — но не с телом в руках.

— Машина нужна, — сказала Стелла. — Ну такая, типа катафалка. Или фургона. Короче, на заднем сидении моей тачки везти тело будет неудобно.

— Да, но вопрос тут в том, как от музея дойти до машины и потом еще на ней удрать, если это будет средь бела дня. Да и тело из саркофага вынуть днем не получится. Ночью… Ночью я все еще могу пройти линии защиты, но…

— Не сможешь, — возразила Стелла. — Тут сигнализация неотключаемая. Она срабатывает всегда. Если это служащий — он сразу вводит пароль, карточку сует, камере лицо показывает — и дежурный полицейский на пульте видит, что это персонал. Если хоть бы и сам директор придет в музей ночью — ясно, что у него на уме недоброе.

Я забарабанил пальцами по столу. Вырисовывается так себе картина: если б надо было украсть что-то мелкое, я бы справился играючи кучей способов и скрылся без проблем. Но только не с Лисом в руках.

— Слушай, Войс, — сказала Стелла, — а что, если хакнуть систему безопасности?

Войс покачала головой.

— Сигнализацию черта с два хакнешь, она физически не выходит в интернет, только на пульт охраны. И потом, это же не компьютер, а просто электроника. Нельзя хакнуть кофеварку.

— Вообще-то, компьютер там есть, — торжествующе улыбнулась Стелла. — Как минимум один. Потому что наличие камер гарантирует наличие сервера видеонаблюдения. И стоит он точно внутри, потому что им пользуется музейный охранник.

Войс нахмурилась.

— Допустим. Ну, вот ты взломала сервак — что это тебе дает? Выход камер из строя сразу замечает охранник…

— Он не заметит выход из строя, если камеры не выйдут из строя. Идея в том, чтобы залить на сервер свой руткит. После этого можно манипулировать данными, допустим, зафиксировать картинку камер. Охранник будет думать, что все в порядке, на мониторах у него все без изменений — а Владислав себе там спокойно бродит, где хочет.

— Не получится, — покачала головой Войс. — Я готова спорить, что сигнализация отдельно у полиции, а камеры у охраны. Камеры мы ломанем — как быть с сигнализацией?

Стелла самодовольно захихикала:

— Так же, как в Ухане. Владислав спокойно проходит через сигнализацию под видом того же директора, нужен только повод находиться в музее после закрытия. Затем можно пройти из административных помещений в выставочные, но камеры этого не покажут. Охранник будет думать, что директор в своем кабинете.

Войс сделала неопределенный жест.

— В теории, может сработать. На практике возможны проколы в миллионе мест. Охранник может что-то заподозрить, директор может не иметь обыкновения возвращаться в музей после закрытия, протоколы безопасности могут прямо запрещать персоналу находиться в музее в нештатное время.

— Тогда Влад может быть не директором, а самим охранником.

— У охранника может и не быть полномочий находиться не в своей дежурной комнате. Следовательно, он не обманет полицейского дежурного и не пройдет сигнализацию. К тому же,

охранников может быть двое. Ну и наконец — при попытке ограбления без подготовки вероятность провала и приезда полиции очень велика. Если не удастся забрать тело с первой попытки — второй уже не будет, потому что его спрячут, усилят охрану и так далее. Нам нужен более четкий план и больше данных.

Я допил свой сок и заметил:

— У меня есть более эффективный план, и для него мне потребуется только пара канистр с бензином. Ну и зажигалка, конечно. У всех ваших рассуждений есть один ключевой камень преткновения: тело Лиса не пробирка и не баночка, я его в карман положить не смогу. Вынести тело, окаменевшее в такой вот раскоряченной позе, положить в машину и уехать незамеченными будет, мягко говоря, сложно. И самое грустное, что это еще даже не наибольшая проблема. Можно пробраться внутрь втихаря, все подготовить, дождаться темноты, все такое, а потом просто «на рывке» выбежать с телом и уехать. Да, это реально. Только тело мало украсть, его надо запереть в горы. И трудность не в том, чтобы собственно запереть его на своем горбу — это вопрос строго физических усилий. Но мне придется нести на спине мумию, пусть и завернутую, в то время как вся округа уже будет знать о том, что именно поперли из музея. Так что все ваши планы, что вы тут придумываете, могут покрыть лишь первую часть операции, более простую. А как впереть тело на три пятьсот над уровнем моря или еще выше и нигде никому не попасться на глаза на подходах — вот где самая сложная часть.

— Да уж, — почесала затылок Стелла. — Ничего так челлендж.

— В принципе, у меня есть план. Он немного с вандализмом, но только совсем немного.

— Ну и?

— Я пробираюсь в музей и устраиваю там небольшой костер. Прямо на полу. На растопку пускаю что-то совсем уж простое. Можно даже ковровую дорожку из зала. И оставляю записку с требованием перезахоронить Этци. Прилетают пожарные, тушат, все такое. И на первый раз никто не будет выполнять мое требование. Я повторяю свою акцию, сжигая при этом уже какой-то экспонат. Потом еще и еще. Не обязательно в этом же музее и не обязательно в музее вообще. Рано или поздно нарастающий урон заставит власти выполнить мое требование. И они сами перезахоронят Лиса. Простой план, не правда ли?

— Ну и чем это отличается от твоего первоначального — сжечь музей?! — скептически спросила Стелла.

— Первоначальный план содержал пункт о надкусывании

всего персонала музея, это раз. Во-вторых, если вдруг власти легко согласятся с моим требованием — будет уничтожено куда меньше ценностей, чем если сгорит весь музей.

Тут заговорила Войс.

— Ты кое-чего не учел, Владди. Есть проблема. Даже две.

И по тому, как она это сказала, я понял, что действительно что-то упустил.

— Ну и?

— Пункт первый — это огласка. Если власти согласятся перезахоронить Лиса — об этом станет известно. Туда слетится прорва желающих отыскать тело, забрать себе и продать в частную коллекцию.

Я ухмыльнулся.

— Когда пара-тройка осквернителей могил встретится со мной — остальные разбегутся туда, откуда пришли.

— Ты не сможешь стеречь могилу вечно. Более того, когда искатели начнут погибать — ты сам станешь дичью, потому что охотиться начнут уже на тебя. Но это был только первый пункт.

— А второй?

— Тебе придется самому найти могилу и разрыть, чтобы убедиться, что власти действительно захоронили Лиса, а не восковую куклу. То есть, ты сам должен будешь и могилу осквернить, и над телом надругаться, потому что воск от мумии отличить на вид будет невозможно. Придется повредить тело.

— Черт…

— Вот то-то и оно. Чтобы твой друг упокоился там, где хотел, со своими предками и богами, по своему обычаю — нам придется провернуть все в тайне, тихо и аккуратно. Да, это сложно будет… Только знаешь, выследить колумбийского наркобарона, которого не могли найти ни федералы, ни сами колумбийцы — задача посложнее, чем обокрасть музей. Даже твою последнюю цель десять лет не могли посадить — а Зеродис его конспиративный склад нашел и привел туда тебя. Давай спросим совета у него?

Я почесал щеку.

— В принципе, почему бы и нет. Он-то мне в самом начале нашего знакомства причинил массу неудобств, вот теперь пусть отрабатывает.

Операция «Спасти Лиса»

Зеродис действительно быстро составил план, причем серьезный такой, с размахом. То есть, вначале он поупирался, но быстро понял, что я этого так не оставлю.

Уже вечером мы, сидя в отеле, обсудили его, я, девушки и Зеродис в ноутбуке.

Пункт первый — я проникаю в музей, используя для этого свои таланты и ключи любого подходящего сотрудника. Охраны в музее, как он выяснил, нет, но система сигнализации и видеонаблюдения очень серьезная, и наблюдает за камерами служащий охранного предприятия, который сам по себе находится не в музее.

Пункт второй — Войс на пару с Зеродисом взламывает сервер видеонаблюдения после того, как Стелла каким-то образом подключится к линии передачи данных. В принципе, удивляться нечего, Стелла как-то даже операцию по взлому сотового оператора провернула, когда расследовала гибель своих отца и прадеда, она редкий самородок, иначе ее в Организацию[1] не вербовали бы.

Пункт третий — самый масштабный. Зеродис «положит» систему уличного видеонаблюдения, отключив камеры, выходящие на фасад музея. Там ничего сложного, камеры для слежения за уличным движением, не бог весть что, но все же.

Пункт четвертый — самый хитрый. Вот до такого я бы просто ни в жисть не додумался. После того, как мумия будет вынесена из музея и положена в автофургон, на место мумии кладется обманка. Что-то, что заполнит пустоту контейнера. Персонал музея не сразу обнаружит, что Этци украден: когда музей откроется, персонал не будет все проверять, потому что не будет знать о краже, а посетители заметят, что экспонат «не тот», не сразу.

В идеальном случае пропажу обнаружат уже после того, как я спрячу тело в горах. Все, шито-крыто.

— Два момента, — сказал я после того, как Зеродис изложил свой план. — Во-первых, нам нужна машина. Во-вторых, в этом плане нет никакого элемента возмездия, а я непоколебимо настаиваю, чтобы он был.

— Ну и какой мести тебе будет достаточно?

— Я хочу, чтобы этой «обманкой» стали останки отца или деда директора музея. Око за око. Когда на витрине окажется его собственный предок — ему будет проще заметить всю неправильность содержания мертвых в качестве экспоната.

— Справедливо, — согласился Зеродис.

— Справедливо, — согласилась Стелла.

— Некрасиво, — возразила Войс, — но я тут явно в меньшинстве… Нам тогда надо будет еще и вопрос доставки обманки в музей решать? А перед тем могилу раскопать, что тоже требует сил и времени?

Стелла задумалась и сказала:

— В принципе, выход есть. Дело в том, что тут неподалеку живет мой двоюродный дядя, и он — глава местной «семьи». Ничего такого, насколько мне известно, так, мелочи, проституция и контрабанда… Думаю, я смогу уговорить его дать мне фургон и пару крепких ребят.

Я ухмыльнулся:

— Если не захочет — скажи ему, что я приду к нему домой и съем его собаку на глазах у его детей.

Стелла едва не заскрежетала зубами от досады:

— Вот этого ты мог бы и не говорить! Знал же, что именно вытащит из моей памяти ассоциативная цепочка!

— Извини. Не то чтоб спецом. Но, в общем, пускай помогает, и тогда ему не придется со мной встречаться. К тому же, раз он местный, то Этци, может быть, его предок.

* * *

После того, как мы закончили обсуждение, я взял свой ноутбук и вышел якобы прогуляться. Забредя в какой-то темный парк, я вызвал Зеродиса по секретному протоколу.

— В общем, такие дела, — сказал я. — Месть директору — это само собой, а еще мне надо хорошо проучить вообще все музейное сообщество. Чтобы больше никто никогда и не мечтал снова найти останки моего друга и сунуть на витрину.

— И как ты собираешься это сделать?

— У тебя есть где-то поблизости поставщик оружия и снаряжения?

— Есть, конечно, а зачем?

— Мне надо тридцать килограммов тротила и четыре детонатора с таймером, который можно выставить на много десятков часов.

— Ни хрена ж себе… Что ты задумал взрывать?

— Ничего. Я просто заложу в музее тридцать килограммов взрывчатки и установлю таймеры на сто или больше часов, так, чтобы их нашли. Демонстрация моей решимости отстаивать право Лиса на упокой любыми методами, не считаясь ни с какими

разрушениями и жертвами. И тогда любой музей трижды подумает.

— А если их не найдут? — спросил Зеродис.

— Днем, уже после того, как обнаружат взлом и кражу, ты сам сообщишь в полицию, что твой сообщник оказался прибацанным на всю голову и самовольно, вопреки плану заминировал музей.

— Что-то мне кажется, что ты темнишь. Ты же совсем другое задумал, да?

— Я не умею лгать. И потом, чтобы уничтожить музей, мне не нужна взрывчатка, хватит пары канистр с бензином. Я задумал ровно то, о чем тебе сказал.

— Повторяй за мной. Микулинцы.

— Зачем?

— Просто повторяй.

— Микулинцы.

— Париж соборной богоматери.

— Париж соборной богоматери.

— Веселая майка.

— Веселая майка.

— Я был на луне.

— Я не был на луне. Упс, не получилось.

— Миклухо-Маклаю никто не пишет.

— Миклухо-Маклаю никто не пишет.

— Паляныця.

— Паляныця.

— Хм…

— Хм…

— Да нет, «хм» это я уже думал вслух.

— А зачем я все это повторял? — полюбопытствовал я.

— Проверка на нейросеть.

— Это как?

— У меня появилось подозрение, что Войс могла написать для тебя нейросеть, которая лгала бы вместо тебя… Слушай, взрывчатка ведь не игрушки. Давай как-то иначе проучим музей.

— Хорошо. Тогда ты отключишь еще и сигнализацию на верхних этажах, чтобы я мог уничтожить самые ценные экспонаты.

— Не-не-не, мы же договаривались без вандализма.

— Ты сам отказался. Вариантов мало: либо я очень доходчиво демонстрирую готовность уничтожать музеи, перешедшие красную линию, либо просто беру и уничтожаю.

Зеродис помолчал.

— По краю ходишь. Если погибнут люди — мне придется

пересмотреть свои взгляды на твой народ. Чтобы поставить точку, мне будет достаточно просто перестать финансировать Мастерса и клон погибнет, когда за неуплату отрубят электричество.

— А почему должны погибнуть люди? Если твой поставщик предоставит исправные детонаторы и если Войс правильно настроит таймеры — ничего не случится. А если будет взрыв — виноваты будут люди. То ли детонаторы бракованные, то ли Войс настроит плохо, то ли сапер попадется идиот.

— Кто ж тебя знает, вдруг ты сделаешь мину с ловушкой.

Я фыркнул.

— Ты на полном серьезе считаешь, что я могу сконструировать бомбу так, чтобы переиграть человека-сапера? Моего умения хватает только на то, чтобы втыкать детонаторы в брикеты и провода — в разъемы. Я мог бы облажаться с таймерами, потому выставить их попрошу Войс. И все путем.

Зеродис еще поупирался, но я его таки додавил: я не собираюсь быть сапожником без сапог. Расправляться с людьми, которые делают зло людям, но оставить безнаказанными тех, кто делает зло мне лично — это как-то неправильно.

— Ну ты и сравнил, — сказал в ответ на это Зеродис. — Наркоторговцы и ученые — это ни хрена не одна категория и близко.

— Понимаешь, я не чувствителен к гибели людей от наркотиков, потому что люди мне не «себе подобные». Я испытываю симпатию только к людям из своего окружения, абстрактные «люди», которых я никогда не встречал, для меня абстракция и есть. Зло, причиненное моему другу, для меня гораздо критичнее, чем сколько-то умерших наркоманов. То, как вы поступаете друг с другом, меня возмущает, но не вызывает жажды отмщения, если не затрагивает меня и мое окружение. Наказать музей важнее, чем наркокартель, потому что последний лично мне ничего не сделал.

И Зеродис в конце концов сдался.

* * *

Подготовка заняла у нас два дня. Дядя Стеллы действительно дал людей — двух немногословных парней с лицами, на которые не наложил свою печать высокий интеллект — и машину, неброский такой фургон с какой-то неброской рекламой на бортах. Чистка ковров вроде.

Зеродис не смог найти информацию о предках директора по сети. Верней, информацию о биографии он нашел, но не о местах

захоронения. Потому в дело включилась Стелла. Она сумела, прикинувшись студенткой, которая пишет курсовую работу, выведать координаты кладбища, а затем без труда отыскала и нужную могилу.

Мы с двумя «мафиози» наведались на кладбище ночью, эксгумировали останки отца директора — ну и вонь, хоть и помер двадцать лет назад! — и упаковали в мешок для мусора.

Днем я выспался, проснувшись только для того, чтобы сходить на встречу с торговцем оружием. Мы обменялись паролями, я забрал из его багажника тяжелый баул и принес обратно в отель.

— Нахрена тебе взрывчатка?! — опешила Войс.

— Заставить музейных деятелей наложить в штаны. Взрываться она не будет… Ну, если ты правильно настроишь таймеры, с большим-большим запасом.

* * *

На вторую ночь мы начали действовать.

Я запасся скотчем и нанес визит директору музея, пожилому благообразному интеллигенту. Примотал его к его жене, затем к шкафу, отобрал ключи и документы, сфотографировал и взял отпечатки пальцев. Повезло, что он моего роста примерно.

— Вы не переживайте особо, — сказал я, — просто придется вот так вот посидеть до утра. А потом придет полиция и вас спасет.

Потом я вместе с парнями-мафиози поехал к музею, перед тем сменив лицо и отпечатки. Остановились на соседней улице и я двинулся к цели.

Ключи подошли. Сразу же заработала сигнализация внутри. Сирена не завыла — но лампа замигала.

— Директор Фернотти, — сказал я, глядя в камеру, и приложил к пульту палец. — Забыл кое-какие документы.

Сигнализация отключилась, я пошел по коридору к кабинету директора. Оператор меня еще пока видит. Вот кабинет, ключ подошел сразу. Внутри камер нет — все, я вне поля зрения.

Достаю телефон, тапаю по специальному значку. Идет вызов Войс.

— Да?

— Я в кабинете. Камер тут нет.

— Десять минут.

— Жду.

Возились они целых двенадцать, затем телефон зазвонил.

— Готово, — сказала Войс. — Камеры «зафиксированы».

— Понял, иду искать «экспонат».

Здесь у меня вышел затык: ключа-карты от прозрачного саркофага с Лисом нет. Я собрался уже применить силу, но передумал: чревато. Сигнализация ведь работает.

Вернулся в кабинет, пошарил в сейфе — ключ от него у меня есть — и там нашел ключ-карту. Подошла.

Ну что ж, старый друг, вот мы снова и встретились… Только не в Вигваме Каменного Хозяина, как я предполагал, а еще в «верхнем» мире…

Бережно вынимаю тело из холодильника — «деревянное», весит примерно те самые тринадцать кило, о которых говорила Войс — и засовываю в мешок. Наверное, это унизительно — оказаться в большом пластиковом мешке для мусора, но иначе пока не получится. А музей за это хлебнет лиха.

Снова достаю телефон.

— Лис со мной.

— Поняла, третья фаза.

На взлом у них ушло целых двадцать минут, которые я просидел на древнем подобии стула. Верней, это реконструкция, но точная, я на таких сиживал несколько тысяч лет назад.

Зазвонил мобильник.

— Камеры все, катафалк на подходе. Жди, пока мы завалим оператора.

«Завалить оператора» значит просто намертво положить оборудование охранной фирмы при помощи программы под названием «ядерная бомба[2]» или как-то похоже. План в том, что оператор просто не сможет следить за охраняемыми объектами, а их у него десятки. Вероятность того, что полиция приедет к музею, минимальна, а если приедет — ну, так «директор» же тут.

На это ушло пять минут, после чего я, следуя подсказкам Стеллы, полностью выключил сигнализацию и открыл дверь для помощников, несущих ящик, похожий на гроб, и мой рюкзак.

У нас ушло еще десять минут на то, чтобы положить останки отца директора в саркофаг Лиса, а самого Лиса — в ящик и там аккуратно пристегнуть ремешками и разложить мешочки со льдом.

— Выносите, — скомандовал я, — и на исходную. Я замету следы.

Закладываю заряды: один под столом в подсобке у кабинета директора, второй — в угол реконструкции какой-то древней могилы, третий прячу среди экспонатов. Готово.

Уходя, снова включаю сигнализацию, запираю дверь — все чин чином — и звоню Войс.

— Все, я ушел.

Теперь Зеродис наконец-то «отпустит» несчастного оператора, тот бросится перезагружать все системы и проверять объекты, и заметит, что в музее снова все работает. О том, что несколько минут музей был открыт, он узнать не должен.

* * *

Самый последний и самый тяжелый этап плана — доставка Лиса обратно. В машине меня уже ждут Войс и Стелла, двоих из ларца, одинаковых с лица, уже отправили восвояси.

— Войс, а ты чего тут забыла? — спросил я, усаживаясь на сидение.

— Пойду тебя подстраховать, — сказала она.

— В смысле?

— Пойду с тобой и понесу еду, аптечку и все такое. Ты же понесешь тело и не сможешь взять все остальное, а идти в горы без самых базовых вещей нельзя, твои же слова. Тем более ночью.

— Блин, ты и сама собралась идти в горы ночью? Плохая идея. Нет, правда. Я там гулял ночами еще давным-давно, мне не впервой. И то я. Тебе там точно нечего делать, уж поверь.

— Ну, тогда я дойду с тобой только до какого-то приюта[3] и останусь ждать, огонь разведу, тушенку подогрею. Ты возьмешь рацию на всякий случай, а я буду на связи.

Интересно, зачем это она? Нет, ну серьезно, Войс в меня влюбилась?

— Знаешь, Войс, ты берешь на себя слишком много хлопот ради временного бойфренда, который не сегодня, так завтра променяет тебя на кого-то более сисястого, — пошутил я.

— Когда променяешь, тогда и поговорим, — улыбнулась она.

— Да просто Войс не хочет, чтобы ты ее на кого-то менял, — хмыкнула Стелла. — Все понять не могу, что она нашла в антропоморфном людоеде, который заходит на фейсбук через гугл… по бумажке. Подумать только, мы освоили множество наук, создали технические чудеса, похожие на магию, пытаемся выбраться в космос — а некоторые девушки и по сей день превыше всего ценят в мужчине способность забить льва монтировкой. Увы и ах.

Я усмехнулся.

— Это нормально, Стелла. Ненормально, что люди поумнели со скоростью, многократно превышающей ту, с которой природа «программирует» инстинкты. Увы и ах, но вы все еще животные, управляемые инстинктами, и останетесь такими ближайший

миллион лет.

* * *

Стелла довезла нас так далеко, куда смог заехать фургон, а затем вернулась на ближайшую базу, а мы пошли сквозь ночь вперед и вверх.

— Только это не та гора, — заметила Войс, когда мы выбрались из машины.

— Я знаю. То был Женский Вигвам, а это — Хижина Каменного Хозяина. Во-первых, если кто-то додумается снова искать Лиса — пусть себе обыскивает прежнее место. Во-вторых, у Хозяина как бы было более предпочтительное место захоронения. Тогда я похоронил Лиса там, где он погиб, потому что сам был ранен, а время поджимало, нас ждала война. Ну, у жен Хозяина не так весело, зато тихо…

Путь был труден для нас обоих, к счастью, Войс захватила фонари. К середине ночи мы добрались до горного приюта и передохнули, а затем я двинулся дальше.

Специальный ящик-ранец для переноски мумии, сконструированный по чертежу Зеродиса — не самая удобная ноша, но надо признать, что по-своему гениальная. Не знаю, сам он придумал или заказал какому-то инженеру — но идея развернуть ящик горизонтально лично мне в голову бы не пришла. Так что на самом деле задача моя несколько проще, чем если бы я решал ее сам.

Над головой — чернота неба, свет звезд и белеющая шапка вечной мерзлоты. Мой путь — туда, наверх. Знаю я там пару ну очень потаенных мест, хоть одно да сохранилось до сегодняшнего дня. Там Лис снова будет среди своих.

И я принялся карабкаться наверх. Когда-то вот так Лис, и сам раненый, из последних сил тащил наверх меня. Мог ли я когда-нибудь подумать, что однажды мне придется оказать ему ответную услугу?..

[1] Об Организации см. роман «Реликт».

[2] Слово «нюк» («nuke», сокращенно от «nuclear») — жаргонизм, означающий ядерную бомбу, хакеры же называют так программу, предназначенную для того, чтобы «положить» сервер или сайт.

[3] Горный приют — каменная или деревянная хижина, построенная в горах для путников.

Месть Реликта

Шаг за шагом, с камня на камень, все выше и выше. Контейнер за спиной вместе с Лисом весит менее двадцати килограммов, не бог весть что. Лис-то тащил тело под семьдесят килограммов, ему в разы труднее приходилось.

Шаг за шагом, все выше и выше, все дальше и дальше от проложенных троп. Есть на Вигваме Каменного Хозяина такие места, где вот уже тысячи лет не ступала нога человека. И не потому, что неприступно — а потому, что в стороне от основных маршрутов. Люди лезут в горы всего лишь с двумя видами намерений. Одни, путники, хотят просто перевалить на ту сторону, и гора им лишь препятствие, которое они преодолевают по легчайшему пути, они никогда не попрут сюда, куда поднимаюсь я. Вторые, высокомерные никчемы, хотят «покорить» вершину, и они в свою очередь делятся еще на две категории. Одни просто хотят поставить свою ногу на самый верх, такие идут легчайшим путем к вершине. Вторые выбирают самый сложный путь, чтобы что-то там себе доказать. Но место, куда иду я — одновременно труднодоступное для первых и на стороне, по которой вторым на вершину подниматься не резон, да еще и скрытое в расщелине.

Вот и уступ, находящийся на полпути. Он на своем месте, как и пять с хреном тысячелетий назад. Сажусь передохнуть, поднимаю глаза к черному небу.

Люди, вы такие… такие смешные. Какой смысл покорять горную вершину, которая даже не заметит вашего визита? Нет ничего вечного, но по сравнению с короткой жизнью однодневки горы вечны. Вы, люди, выходите из тьмы небытия, всего лишь на миг задерживаетесь под светом звезды по имени Солнце, а затем возвращаетесь обратно, во тьму. И вечные горы просто не замечают вас, ваш визит для них — миллисекунда в их размеренном существовании. Звезды надо мною — те же, что и пять тысяч лет назад. Для них прошла одна секунда — у вас, глупых, сменилось двести поколений. И даже моя долгая-долгая жизнь для звезд — ничто. Звезды были вот такими пять тысяч лет назад, они были такими сорок с хреном тысячелетий назад, когда я взглянул на них, впервые выбравшись из материнского логова наружу. И спустя много времени после того, как уличные фонари погаснут навсегда, звезды останутся такими же, как и сейчас, и горы тоже останутся такими же, какими я помнил их в начале медного века.

Так в чем смысл покорять то, что даже не заметит

«покорения»? Вам, люди, отмерено просто до горя мало времени, и вы тратите его на то, чтобы взобраться повыше, и вам плевать, что внизу остались голод, СПИД, войны, нищета и с ними еще множество проблем, которые вы могли бы решить, если бы не тратили свои жизни на ерунду…

Впрочем, вряд ли я вправе судить людей: за всю мою жизнь у меня была и остается одна-единственная неизменная мечта…

…Увидеть завтрашний день. Нет, две мечты: еще я мечтаю однажды убить последнего льва на Земле.

Я поднялся, взвалил контейнер на плечи и двинулся дальше: осталась половина пути.

* * *

Я толкнул дверь приюта, когда солнце уже взошло.

— Наконец-то, — обрадовалась Войс. — Все хорошо?

— Все замечательно, — устало улыбнулся я. — Лис снова в хорошей компании, там, где он и хотел быть. И вот там его уже вряд ли кто найдет.

— Ох, ты замерз весь… Залезай в спальник, я кофе налью горячего… Вообще, почему ты в одной рубашке? Где твои парка и свитер?

Я забрался в тепло спального мешка у очага и потянулся.

— Оставил Лису, ведь его одежду люди нагло украли.

— Охренеть не встать. Живой оставил одежду мертвому!

— Ну а как же иначе? — вздохнул я. — В Хижину Хозяина все хотели попасть в праздничной одежде, а не абы как. Ты же знаешь, встречают по одежке. Как Лису там быть голому-то?

— О май факин Год! Ты прикалываешься или что? Я-то думала, ты в богов не веришь! — Тут на лице Войс отразилась мелькнувшая в голове догадка: — постой. Ты, наверное, подхватил у людей их верования и тоже верил в этого Каменного Хозяина?

Я отхлебнул горячего кофе из предложенной чашки и усмехнулся.

— Войс, как ты думаешь, почему я знаю каждый камень в этих горах? Каждую пещеру и каждую расщелину? Я много лет обследовал этот массив… Будешь смеяться, но я пытался найти Каменного Хозяина. На полном серьезе.

— Хы-ы-ы… Уму непостижимо. Но зачем?

— Хотел рассказать ему кое-что… Люди племени Лиса, да и другие местные, приносили Хозяину жертвы. Сжигали на костре мясо и овощи. Мне казалось это странным, а люди — глупыми. У

меня не так развито абстрактное мышление, а воображения нет вовсе, я видел только то, что видел. Как горит еда. Я не подвергал сомнению необходимость угощать Хозяина — я не понимал, какой Хозяину прок от сгоревшей впустую еды. Меня, конечно же, никто не слушал. И я искал Хозяина, чтобы рассказать ему о глупости людей. Чтобы он их вразумил и они перестали жечь еду впустую, ни ему, ни себе. Я все тут излазил, отыскал каждую пещеру — но увы, ни одна из них не была входом в жилище Хозяина.

— Подумать только, — покачала головой Войс, вынимая из углей разогретые консервы, — ты на полном серьезе верил в Хозяина, в загробную жизнь, все такое?

Я усмехнулся.

— Верил? Некорректный термин. Я просто не подвергал сомнению то, что мне говорили, даже если не понимал абстрактного вымысла. Я — сугубо рациональное существо. Насколько у вас лучше воображение — настолько у меня сильнее рационализм. Если Лис рассказывает мне о Хозяине — ну, значит, он знает, о чем говорит. Он мой друг, соплеменник — у него нет резона обманывать меня. Я жил в его хижине и спал с его дочерью. Зачем бы Лис обманывал того, к кому относился как к сыну? Логично, правда?

— Поразительный парадокс, — заметила Войс. — Самый рациональный тип на планете, не верящий ни во что, что нельзя увидеть, и не обладающий воображением, оказывается в плену религиозных верований… Никогда бы не подумала, что такое возможно.

— Понимаешь… В том племени ложь была редкостью. Люди не обманывали своих соплеменников. Они все были друг другу родня, и взаимоотношения были соответствующими… У меня не было причин не верить. Есть еще кое-что, чего у меня нет. Критическое мышление. Я кажусь тебе и другим хитрым, ушлым, проницательным. Да, меня практически невозможно обмануть… Только причина моих хитрости и проницательности проста: громадный жизненный опыт. После того, как я становлюсь жертвой хитрости или обмана, меня уже не получится обмануть повторно тем же способом. Но если ты изобретешь некий принципиально новый обман — я с большой вероятностью попадусь. Увы. Это теперь я понимаю, что когда-то моя бабушка съела адекватную обезьянку, а потомки неадекватной склонны изобретать себе невидимых друзей, которые на самом деле не существуют. Я видел, как рождаются религии, даже невольно поучаствовал в рождении одной из них. Но тогда, в начале медного века, я этого не понимал. А поскольку окружающие меня

люди не лгали, а озвучивали свои искренние убеждения — у меня не было шанса заподозрить, что Каменного Хозяина не существует.

Мы подкрепились тушенкой, потом Войс спросила:

— Ты расскажешь мне эту историю? Про Лиса?

Я зевнул.

— Почему же нет?.. В общем, это был такой момент, который можно назвать границей между первобытностью и началом цивилизации… Тут, в этих местах. То время я помню как довольно спокойное и благополучное. Тогда уже принцип мирного сотрудничества преобладал над враждой, а концепции больших войн еще не появились… Нас — стригоев — тут обитало где-то штуки четыре, и был некий наш вклад в мир между здешними племенами… Потому что ранее мы съели самых агрессивных, чтобы они не стравливали наши стада друг с дружкой. Время, когда я уже практически перестал охотиться на людей. Денег еще не было, но уже была меновая торговля, а кроме того, появились и распространились принципы гостеприимства. Я мог легко и бескровно получить мяса даже у соседних племен в обмен на «долг». Теперь это называется «в кредит», за который я расплачивался услугами. Меня часто просили выследить надоедливого хищника, найти потерявшийся скот и так далее… На охоте помочь, весть доставить… В общем, тогда жизнь была, по сегодняшним меркам, не сахар, но тогдашний я оценивал те условия как райские по сравнению с предыдущими тысячелетиями. Я привык носить «овечью шкуру» и счел ее очень комфортной, эпоха первобытной борьбы за выживание для меня закончилась. Правда, не все было идеально: я перестал охотиться на людей как хищник лишь для того, чтобы начать воевать с людьми как один из людей. Дела такие были нечасто, просто потому, что не было междоусобиц, воевали только с чужаками и только с воинственными. Вот я как-то затесался в одно племя — как раз племя Лиса. Быстро сошелся с его дочуркой, легко поладил с самим Лисом. В общем, стал своим. Наработанные техники, ничего особенного. Но Лис относился ко мне теплее, чем в среднем ко мне относились окружающие в прошлые времена, да и в последующие. Личная его особенность — доброта к другим, особенно к близким. Я, как обычно, притворялся юношей, вот как сейчас, а ему было сильно за тридцать. То есть, визуально я годился ему в сыновья, хотя на самом деле был минимум в тысячу раз старше его. И он относился ко мне так же, как другие мужчины — к своим детям. Собственно, благодаря ему я впервые на себе ощутил специфику отношения отца и сына и научился на будущее так относиться к

тем, чьим отцом прикидывался.

— А что, ты, бывало, и отцом чьим-то притворялся? — спросила Войс.

— Ага. Дойду до этого позже. В общем, мне так понравилось быть семьей Лиса, что я изменил своей привычке менять племя каждые несколько лет. Ну, его дочь тоже к этому располагала… И я начал постепенно учиться меняться внешне, чтобы «взрослеть» и «стареть», не вызывая подозрений странной вечной юностью. Так и жил. Был охотником и разведчиком, и мое имя было Барс-который-ходит-в-одиночку. Я подходил на эту роль лучше всех, а лепить горшки и делать оружие я, разумеется, не способен. Лис тоже был ходоком и разведчиком, и в целом мы с ним держали под наблюдением территории племени. Как-то раз появились чужаки. Ну то есть, они и раньше появлялись, и не всегда агрессивные. А тут приперлись с севера, довольно большое племя. Поначалу заняли местность, которая была как бы ничейной. Как раз где сейчас тот городок, где Стелла осталась. А «тогда» не жил там никто. Построили стойбище с частоколом — тут такие были не в ходу, просто потому, что соседей никто не опасался. Мы с Лисом наблюдали за ними. Видели, что они нас опасаются, это было нормально. Некоторое время чужие сидели у себя, меня это устраивало. Сидят и сидят, посидят и привыкнут, сами станут местными. Я был совсем не против, чтобы мои, так сказать, «стада» стали больше.

— А они сидеть не стали мирно, да?

— Угу. На пограничном участке Лис наткнулся на отряд их. Неизвестно, шли они воевать или охотиться, но случился конфликт и чужаки напали на Лиса. Там была потасовка, но Лис отбился, крепко при этом пострадав, и ушел в горы, где у нас была условлена встреча. Там и встретились. Я, конечно, пришел в бешенство. Лису сказал, чтобы он уходил предупредить племя, а я пойду проследить за врагами. План мой был простой: закидать их дротиками. Я бросал копья дальше всех, это само собой понятно. Расчет в том, чтобы нанести врагу потери и выиграть время. Но получилось иначе. Я, скажем прямо, так по сей день и не научился хорошо стрелять из лука. В этих местах луки были, но не то чтоб хорошие, чаще всего ими просто били птицу. Я недооценивал лук как оружие, за то и поплатился. Потому что чужаки оказались очень хорошими лучниками. Я свалил дротиками двоих, но меня утыкали стрелами, как подушечку для иголок. Я получил очень тяжелые раны, для человека смертельные, и ушел обратно наверх, в горы, в очень плачевном состоянии. А Лис, как оказалось, что-то подозревал и пошел не обратно в стойбище, а за мной. И наткнулся на меня, когда я

пытался уйти от погони. В общем, Лис поволок меня наверх, надеясь, что чужаки с равнин наверх ходоки плохие. Но они все равно пошли за нами. Лис, и так раненый, не мог уйти от них со мной на плече, хоть и был он жестким, опасным бойцом. Осознав, что не уйдет, Лис спрятал меня в расщелине, а сам увел погоню наверх, все выше и выше. В конце концов, его почти догнали, Лис сумел вызвать обвал и часть врагов похоронил, но не всех. Последние его настигли, Лис принял бой и погиб. Потом выжившие враги ушли обратно, так как понесли большие потери. А я немного оклемался сутки спустя, прошел по следам и отыскал Лиса. Похоронил его там, где он погиб, и отправился в стойбище, готовиться к войне.

— А что было дальше?

— Война была. Врагов было еще много, и они показали себя хорошими воинами, лучше, чем привыкшие к спокойной жизни местные племена. Но я собрал своих соседей — сородичей, в смысле — и мы вчетвером устроили им адский карнавал, пока «наши» люди собирались в большой отряд. Ну, в три с половиной бойца, потому что я был еще плох. Охотились на них ночами, держа в ужасе и не выпуская из стойбища. В конце объединенное войско нескольких племен — человек суммарно под триста — атаковало чужаков. Стойбище сожгли, убили всех, кроме молодых женщин и девочек и самых маленьких детей — этих просто забрали себе. Несколько позже после тех событий пару раз приходили такие же чужаки — я нападал на них в одиночку, по ночам, не скрывая своей природы, нагоняя ужас. Мог всю ночь бегать вокруг лагеря, завывая, сутками охотился на тех, кто отходил от стойбища — в общем, прессовал как мог и заставлял уйти прочь. В моем племени меня стали называть несколько иначе — Барс-который-сражается-в-одиночку. После гибели Лиса я остался в племени и жил с его дочерью, «старея» вместе с ней, до самой ее смерти. Она была первой женщиной из менее чем десяти, ради которых я такое сделал.

Войс немного помолчала и заметила:

— Ты оказал Лису плохую услугу. Оставшись мужем его дочери, ты лишил ее возможности иметь детей, а Лиса — внуков.

Я ухмыльнулся:

— А вот и нет. Вопрос решился очень просто: тогда тут было нормально поменяться на денек женами. У Чайки было восемь детей, из которых выжили пятеро, и я вырастил их, как будто я их отец. Научился у Лиса, как это делается. В детстве умерло только трое — что очень немного для того времени.

И тут у Войс зазвонил телефон.

— Хренасе! Даже тут есть связь?!! — удивился я.

— Он спутниковый.

Она выслушала собеседника, отключилась и взглянула на меня.

— Это Зеродис. Кажется, твоя месть удалась: вокруг музея натуральное чэпэ. Эвакуировали окружающие здания.

— Ну еще бы. Бомба на десять кило тротила — не шутка.

Мы провели в этом приюте полдня, отсыпаясь после ночного похода, сильно за полдень доели тушенку, допили кофе и двинулись в обратный путь.

— Какие теперь у тебя планы? — спросила Войс.

Я пожал плечами:

— Все, как обычно. Что должно было быть сделано — сделано. Лет через пять-десять наведаюсь, проверить, не нашли ли Лиса снова, но это вряд ли.

— Ну, наконец-то мы можем заняться лыжами и развлечениями, — улыбнулась Войс.

* * *

Мы отыскали Стеллу в ближайшем отеле, где она остановилась переночевать, пока мы ходили хоронить Лиса.

— Ну что, обратно на ту базу, где мы были? — с надеждой спросила она.

— Ты надеешься, что тот летчик еще там и не нашел себе другую подружку?

— Ну, типа того.

Я кивнул.

— Ну, вы можете отправляться туда, я вас там потом найду. Но вначале отвезите меня в Больцано.

— Зачем? — подозрительно нахмурилась Стелла.

— Наслаждаться местью.

И тут у Войс снова зазвонил телефон.

Она выслушала Зеродиса и повернулась ко мне:

— Слушай, Владди, а что ты там отколол? Музей до сих пор оцеплен, оттуда спешно выносят самые ценные экспонаты.

— И будет еще долго оцеплен. Ты выставила таймеры на триста часов?

— Ну да…

— Вот то-то и оно.

— Только не говори, что ты спрятал бомбу так, что ее не могут найти!!!

Я ухмыльнулся самой искренней улыбкой на свете, ибо недаром говорится, что самый искренний смех — злорадный.

— Нет, что ты. Бомбы нашли… в этом и был мой коварный план.

— Что ты натворил?

— Хе-хе… Как говорится, бомбой и фломастером ты можешь добиться большего, чем только лишь одной бомбой.

— Владди, что ты натворил?!!

— Да ничего особенного, просто провернул шутку, которую услышал от одного покойного русского комика… Пронумеровал бомбы. Написал на них твоим фломастером номера… «Один», «два» и «четыре». Так что ближайшие десять дней, пока не истечет время на таймерах, в музее будут искать бомбу «номер три» и поспешно выносить все ценное, ежесекундно ожидая, что бомба сработает раньше, чем таймеры других бомб. А я буду сидеть рядом на площади, лицезреть весь этот бардак, потягивать сок и злорадно посмеиваться, наслаждаясь моей местью.

Nota bene

Книга предоставлена Цокольным этажом, где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться Censor Tracker или Антизапретом.

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в Ответах.

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

Медовый месяц для Реликта